

## *Глава первая*

### КАССЕТА 1, СТОРОНА 1, АПРЕЛЬ 1970 ГОДА

Мне сказали, что вы хотите узнать мою историю, узнать, почему я оказалась в этом месте. Это довольно сложный вопрос, и я задаю его себе на протяжении последних пятидесяти лет. Я, конечно, могу рассказать, как попала сюда и что со мной случилось. Но зачем? Тогда не станет тайны.

*Звучит низкий, прокуренный голос, с сильным акцентом восточного Лондона, и в нем угадывается улыбка, как будто обладательница этого голоса в любую секунду готова зайтись смехом, переходящим в астматический кашель.*

Вас, вероятно, предупредили насчет меня, сказали вам, что моя история является выдумкой. По крайней мере, хитротерапевт постарался убедить вас в этом.

*Раздается другой голос, тщательно модулированный, принадлежащий хорошо образованной и гораздо более молодой женщине: «Хитротерапевт?».*

Извините, дорогуша, так мы называли между собой психотерапевта в те давние дни. На все лады он твердил, что наши истории — он называл их фантазиями — являются воплощением «неудовлетворенных желаний».

«Тут вы не так уж ошибаетесь, — говорила я ему, сопровождая свои слова таким подобострастным трепетом ресниц. — Я проторчала здесь бóльшую часть своей жизни, так что у меня полно неудовлетворенных желаний».

А он лишь улыбался и говорил: «Вам необходимо сосредоточиться на выздоровлении, моя дорогая, и смотреть не назад, а только вперед. Повторение и закрепление ваших фантазий свидетельствует о регрессивном поведении, и этому необходимо положить конец, или вы никогда не выйдете отсюда».

Можете оставить это, а можете выкинуть, дорогуша, но я должна рассказать об этом.

*«А я очень хочу вас выслушать, вот почему я здесь».*

Очень мило с вашей стороны, дорогуша. Видите ли, когда вы на протяжении многих лет отрезаны от реальной жизни, то *что* вам еще остается, кроме как вспоминать времена, когда вы были молоды, когда вы каждый день встречались с новыми людьми, когда вы имели право на чувства, когда вы жили по-настоящему? Что? Да ничего! Шитье и разного рода рукоделие были единственными занятиями, которые хоть как-то развлекали меня. Так что я рассказываю свою историю для всех, кто готов ее слушать, и мне плевать, если меня будут называть фантазеркой. Воспоминания о нем и ребенке, которого я потеряла, — это единственный способ сохранять свою связь с реальностью. Ну, с чего вы хотите, чтобы я начала?

*«Лучше всего с самого начала. Запись уже ведется».*

Вам придется повозиться со мной, дорогуша, ведь воспоминания займут определенное время, все это было так давно. В этом году мне исполнится семьдесят четыре года, а старые мозги работают не так хорошо, как хотелось бы. И все же я попытаюсь. Вы не возражаете, если

я буду заниматься шитьем во время рассказа? Это поможет мне сконцентрироваться и расслабиться. Я никогда не чувствую себя счастливой без иголки в руках. Это просто небольшая аппликация с обметкой внахлест — довольно простенькой. Предотвращает расползание ткани по краям, видите?

*Она надсадно кашляет глубоким, хриплым кашлем заядлого курильщика.*

Хм-м. Так-то лучше. Ладно, начнем.

Меня зовут Мария Романо, и я уверена, что моя мать была родом из Рима, хотя для меня остается загадкой, что заставило ее поменять этот прекрасный солнечный город на старый и мрачный лондонский Ист-Энд. Почему люди в Италии вырастают такими маленькими? Говорят, что моя мама была крошечной, да я и сама была не выше пяти футов в свои лучшие времена. Теперь я, наверное, стала гораздо ниже. Когда вы настолько малы, что у вас нет даже мизерного шанса победить в драке, то вам приходится иметь очень проворные ноги — это мой случай. Я танцевала повсюду, где выпадала такая возможность, что случалось нечасто, и я умела бегать быстрее ветра. Но было в моей жизни нечто такое, от чего даже я убежать не сумела, — это заведение оказалось одним из этого.

Странная вещь, но после многолетних мечтаний о том, чтобы выбраться отсюда, если только кому-то из нас это удастся, то ему всегда хочется вернуться обратно — здесь безопасно и окружают друзья. Это место стало моим домом. Когда начинаются разговоры о том, чтобы разослать нас жить по другим домам, то мне даже подумать об этом страшно, а раз меня это так пугает, то что можно сказать о настоящих сумасшедших? Как они выживут снаружи?

Вы ведь специализируетесь на соцопросах, не так ли? Что вы об этом думаете?

*«Я буду рада побеседовать об этом позже, если хотите, но сейчас мы говорим о вас. Так что продолжайте, пожалуйста».*

Я продолжу, раз вы настаиваете, хотя я никак не возьму в толк, что вы нашли такого интересного в такой маленькой старой леди, как я. О чем я говорила?

*«О вашей матери».*

Ах да, бедная мама. Еще одной причиной верить в то, что она была итальянкой, является цвет моих волос и кожи. Теперь я совсем седая и бледная, как моль, но в молодости моя кожа становилась летом настолько темной, что ходили шутки, будто я дегтем измазалась, а моим блестящим смоляным кудрям завидовали все девочки в сиротском приюте. Нора говорила, что мальчишки считают меня настоящей красоткой, и я училась смотреть на них своими коричневыми глазищами так, что они краснели и поспешно отводили взгляды.

*«Значит, сиротский приют?»*

О да! Мама умерла, когда мне было годика два, бедняжка. Не знаю точно, от чего она умерла, но в ту пору в бедных кварталах города ходило множество болезней, а о том, чтобы обратиться к врачу, даже речи не шло, во всяком случае, в наших кругах. Никто не выдавал беднякам антибиотик, не делал прививок и тому подобного — сегодня в это трудно поверить, но я рассказываю об очень старых временах, о самом начале двадцатого века.

Насколько мне известно, мой папаша, натешившись с мамой, пропал навсегда, и я никогда не слышала о своих дедушках и бабушках, так что, когда мамы не стало, я попала в Зámok — ну, так мы называли приют, потому

что здание было огромным и мрачным, со стрельчатыми окнами и этими, как их, такими загогулинами по верху стен, где полагалось бы быть крыше.

*«Крепостными зубцами?»*

Определенно это была крепость с высокими железными воротами и кирпичными стенами вокруг. Чтобы не подпускать опасных людей, как нам говорили, — это ведь был лондонский Ист-Энд, как-никак, — но мы знали, что стены были нужны, чтобы мы не слишком часто убегали. Там не было ни сада, ни деревьев, ни цветов, только бетонный двор, где нам разрешалось играть в хорошую погоду.

Внутри здания все было из темного дерева, полы были каменные, а наверх вела большая широкая лестница, доходившая до третьего или четвертого этажа; при своих маленьких ножках я чувствовала себя так, будто восхожу на небеса всякий раз, когда нас отправляли спать. Когда рассказываешь, это звучит несколько трагично, но я не помню, чтобы была там несчастна. Я не знала иной жизни, а там было тепло и хорошо кормили, и компания подобралась неплохая — некоторые из нас стали настоящими подругами.

Монахини поначалу казались нам, малышам, страшными в своих длинных черных рясах с рукавами, развевающимися, как крылья летучих мышей, когда они бежали по коридорам, чтобы выследить и наказать нас. При этом большинство из них были добрыми, хотя иногда попадались и злые. Неудивительно, учитывая то обстоятельство, что мужчин у них не было, а была только куча испорченных детишек.

В общем, начало моего пребывания в Замке было лучше, чем жизнь с моей несчастной матерью, это я гарантирую. Жаль, что нельзя сказать то же самое о конце.

Главным в жизни монахинь было учить нашу пеструю компанию хорошим манерам, основам чтения и письма, а также готовить еду, вести домашнее хозяйство и заниматься рукоделием, чтобы, повзрослев, мы могли куда-нибудь устроиться служанками, что я, собственно говоря, и сделала. Особенно я любила шитье. Оно мне давалось легко, и мне нравилось, что мое мастерство привлекает ко мне внимание.

«Это дар Божий», — твердили монахини, но лично я так не считала. Просто у меня были тонкие пальцы, к тому же я и старалась больше других, и должным образом училась шитью. Все время мира было в нашем распоряжении, вот так. Вы когда-нибудь шили, мисс?

*«Честно говоря, нет, я все больше работаю со словами».*

А следовало бы попробовать. Нет большего удовольствия, чем взять кусок никому не нужного старого шерстяного одеяла и сотворить из него превосходное пальто, которое много зим подряд будет согревать ребенка. Или состегать вместе лоскуты хлопчатобумажного одеяла, чтобы сделать уютное покрывало для кровати, которое вовсе не выглядит неряшливо и замечательно украшает комнату.

В швейной мастерской Замка стояли длинные раскройные столы, а окна располагались так высоко, что из них ничего нельзя было увидеть. Там мы проводили почти все свои дни. Зимой мы сбивались в толпу возле печки в углу, летом разбивались на кучки по всей комнате, чтобы иметь возможность поболтать подальше от ушей монахинь, обладавших острым, как булавки, слухом.

Все работы велись вручную, имейте в виду, никаких швейных машинок в те дни, конечно, не было. И к тому времени, когда мне исполнилось десять лет, я уже знала,

какая иголка для какой ткани предназначается и какую нитку выбрать, я умела делать дюжину разных швов, начиная от простых сметочных стежек или сдвоенных строчек и заканчивая таким стильным шитьем, как «колоски» и «французские узелки», и я умела делать их столь тщательно и столь искусно, что сложно было поверить в то, что они созданы человеческими руками.

Сестра Мэри была хорошей учительницей, она любила свой предмет, и, я полагаю, она заразила нас своим энтузиазмом, потому что очень скоро я могла распознать любую материю с закрытыми глазами, просто на ощупь, назвать разницу между крепом и батистом, галатеей и бумазеей, сукном и сермягой, бархатом и вельветом и сказать, что лучше использовать для той или иной работы.

Не то чтобы мы видели много хороших тканей, учтите, это были в основном гладкая шерсть и хлопок, причем по большей части бывшие в употреблении, такие, что брались от старой одежды или обивки. Но при случае из местной галантереи доставлялись рулоны набивного ситца или обрезки шерстяных выкроек, которые не находили своего применения; думаю, это была такого рода благотворительность в пользу нас, бедных сироток, и в пользу тех детишек, для которых мы шили одежду.

Кажется, вы озадачены? Извините, я слишком увлеклась воспоминаниями. Причина, по которой мы были так заняты шитьем в Замке, заключалась в том, что важные дамы из Лондонского общества рукоделия попросили монахинь помочь им в их благородном начинании, которое заключалось в изготовлении одежды для бедняков. Из-за этого мы ощущали себя особенными: у нас в жизни не было ничего, кроме нашего мастерства, и мы

пользовались им, чтобы помогать таким же бедным людям, как мы сами.

Дни, когда приезжали галантерейщики, превращались в праздники, как будто одновременно отмечаешь день рождения и Рождество: мы разбирали рулоны материи, рассматривали цвета и узоры и дышали этим чудесным запахом новой ткани, свежей, как белье, вышешное на просушку, — ничто не может заглушить этот запах даже теперь. Когда мы вырастали из нашей одежды, монахини выдавали нам отрезки тканей, чтобы мы могли пошить себе платья и юбки, и мы с Норой всегда выбирали самые яркие узоры с цветами. В жизни мы видели не так уж много настоящих цветов, так что это давало нам ощущение весны.

*«Нора? Вы уже тогда были знакомы?»*

О да, вернемся к началу. Она была моей лучшей подругой. Насколько я знаю, мы были примерно одного возраста и всегда делили одну спальню, звали друг друга сестрами — на семейный лад, а не как монахини — и клялись, что никогда не расстанемся. Не то чтобы мы смотрелись внешне как родные: она была блондинкой и к тому времени, когда нам было по четырнадцать, была выше на голову при своем росте метр пятьдесят восемь, ее длинные ноги позволяли ей всегда быть впереди, а хохотала она так заразительно, что все вокруг, включая монахинь, улыбались. Руки у нее тоже были большие, в два раза длиннее моих, но это не мешало ей быть прекрасной портнихой. Мы были вредными, проказливыми девчонками, но нам все сходило с рук, потому что мы усердно трудились.

Как я уже говорила, мы были счастливы, потому что не знали иной жизни, но постепенно мы выросли, хотя моя грудь была по-прежнему плоской, а пипка



гладкой, как младенческая попка. Зато у Норы уже отросли груди и волосы как внизу, так и под мышками, и мы обе начали заглядываться то на сына садовника, то на мальчишку-рассыльного из пекарни всякий раз, когда монахини за нами не следили.

В тот день мы занимались своим рукоделием, когда вдруг появилась знатная леди в большой шляпе с перьями на макушке, в сопровождении целой толпы расфуфыренных подруг, это было что-то типа великосветского визита. Неожиданно леди склоняется над моим шитьем и говорит: «Отличные стежки, дорогая, где ты этому научилась?».

А я отвечаю: «Это гирлянда маргариток, мэм. Хотите посмотреть, какой она получится?».

И я соединяю маргаритку с тремя другими, расположенными по кругу, как им и положено, и быстро приделываю стебель и листок, все это получается очень даже неплохо, хотя мои пальцы дрожат и потеют оттого, что за ними наблюдает такая важная особа. Она хранила молчание, пока я завершала работу, а потом голосом, полным очарования, и с таким, знаете, иностранным акцентом произнесла: «Это очень здорово, дорогая, очень мило. Продолжай работать так же хорошо», — и, когда она прошла мимо меня, чтобы пообщаться с другой девочкой, я вдохнула ее запах — будто запах сада, полного роз, — аромат, которого я никогда ранее у людей не встречала.

Позже я слышала, что она расспрашивала сестру Мэри обо мне и Норе, хорошие ли мы девочки и тому подобное, но мы вскоре забыли о ней. А происходило это за несколько дней до моего дня рождения — мне исполнилось пятнадцать в январе 1911 года, — и тут меня с Норой, чей день рождения случился неделей раньше, вызывают к сестре Беатрис, главной монахине (обычно

подобное случается только в тех случаях, когда кто-то из нас делает что-нибудь ужасное, например, божится много раз подряд или засыпает во время молитвы). Так что вы можете представить наше состояние, когда мы с Норой поднимались по лестнице и, пройдя длинный коридор, застланный красной ковровой дорожкой, остановились перед дубовой резной дверью, похожей на сборки по краям ткани. Я находилась в такой панике, что была близка к обмороку, тогда как Нора, должна заметить, лишь пыталась сдерживать смех, разбирающий ее всегда, когда она сильно нервничала.

Монахиня позвала нас внутрь и пригласила сесть на кожаные кресла, такие высокие, что мои ноги не доставали до пола и мне пришлось очень сосредоточиться, чтобы не болтать ими в воздухе, потому что я знала, что это раздражает взрослых больше, чем что-либо другое.

Сестра Беатрис обращается ко мне первой.

«Мисс Романо? Кажется, сегодня у тебя день рождения?» — спросила она, а я была так ошарашена обращением «мисс», что не придумала ответа удачнее, чем: «Да, мэм».

«В таком случае да благословит тебя Бог, дитя, и позволь мне пожелать тебе, чтобы подобных дней в твоей жизни было как можно больше», — сказала она, слегка улыбаясь.

«Спасибо, мэм», — ответила я, стараясь не замечать, как сотрясается тело Норы рядом.

«Мисс Физерстоун?» — произнесла монахиня, и я знала, что если только Нора откроет рот, то ее смех вырвется наружу, поэтому она просто кивнула, низко опустив голову. Но это нисколько не смутило сестру Беатрис, которая просто сказала нам: «Насколько я понимаю, вы хорошие подружки, не так ли?». Я кивнула за нас обеих,

и она продолжила: «Я слышала много хорошего о вас, особенно о ваших успехах в рукоделии, и у меня есть для вас отличные новости».

Монахиня поведала нам, что та важная дама, которая приезжала несколько месяцев назад, носит титул герцогини и, являясь главой общества рукоделия, инспектировала работу, которая ведется в монастыре в пользу бедных детей города. Герцогиню так впечатлили вышивки, которые ей продемонстрировали я и Нора, что она поручила своей домоправительнице провести с нами собеседование на предмет принятия нас на работу.

Герцогиня! Можете себе представить, в какой восторг мы пришли, но и страх тоже присутствовал, потому что мы понятия не имели, чего ожидать, и тогда всю заработало наше воображение. Мы будем жить в большом прекрасном доме с огромным садом, где станем шить наряды для очень важных персон, и Нора влюбится в одного из шоферов, ну а я подняла планку выше, остановив свой выбор на улане кавалерийской бригады в красном мундире или на джентльмене из Сити в шляпе-котелке. В любом случае мы обе собирались обзавестись своими собственными уютными домами по соседству друг с другом, чтобы возле наших домов были небольшие садики, в которых можно выращивать цветы и всякую вкуснятину, и чтобы у нас было много детишек, которые смогут играть вместе, пока мы будем наслаждаться жизнью.

*Тут следует пауза. Она громко прочищает горло.*

Извините, мисс, вы не возражаете, если я закурю?

*«Пожалуйста, если хотите. Давайте сделаем небольшой перерыв».*

Нет, лучше я закурю и продолжу, потому что если я прервусь, то утрачу нить.

*Открывается сигаретная пачка, звучит щелчок зажигалки, долгая затяжка и выдох дыма из легких. Потом она откашливается и опять приступает к повествованию.*

Вряд ли я когда-нибудь забуду тот день, когда домоправительница герцогини приехала повидаться с нами. Нам позволили принять специально приготовленную для нас ванну, а потом одеться в наши лучшие платья из набивного ситца, и сестра Мэри помогла нам заколоть волосы в узлы на затылке, как у настоящей домашней прислуги, а сверху были прицеплены белые кружевные чепчики. В одиннадцать часов нас опять позвали в кабинет сестры Беатрис. Она осмотрела нас с головы до ног и прочла нам лекцию о том, как вести себя с гостьей, не пялиться пристально, но и не отводить взгляды, когда она будет говорить с нами, не заговаривать самим, если нас не спросят, отвечать четко и не слишком длинно. Тут она окидывает Нору особым зловещим взглядом и произносит слова медленно, чуть ли не по слогам, дабы быть уверенной, что мы поняли: «*Всякие хихоньки аб-со-лют-но недопустимы*».

«Ваше поведение сегодняшним утром предопределяет ваше будущее, юные леди, — подытожила она. — Не упустите такую возможность».

Она заговорила о том, что, если мы хотим быть избранными, мы должны выполнять свою работу безукоризненно и никогда не жаловаться и не огрызаться, иначе окажемся на улице, и в этом случае мы больше никогда не сможем вернуться в Замок. Мои радужные надежды поблекли. Мы так нервничали, что даже Нора прекратила смеяться.

Домоправительница была огромной, как гора, женщиной, толщина которой практически равнялась ее росту,